

Harper's V A Z A R

АПРЕЛЬ 2013

СРОЧНО
ПО ВАЖНОМУ
ТЕЛУ

SPA
ИЛИ
СПОРТ

ВАНЕССА
ПАРАДИ

В НОВОМ
АМЦЛУА
И ДЕРЗКИХ
НАРЯДАХ

16+

BAZAAR ^{Harpers}

АПРЕЛЬ 2013

СОДЕРЖАНИЕ

300

ПОП-АРТ

Черный, белый и красный этих цветов достаточно для шедевра.

304

НА ШАГ ВПЕРЕД

Главные обувные хиты с подиумов Парижа, Милана, Нью-Йорка и Лондона.

310

ПРЕМЬЕРА ПЭТА ХОББИ

Ранее не издававшийся рассказ Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

316

ВСЕ ЭТОТ БЛЕСК

Лучшие украшения в стиле 1920-х годов.

322

СЛОВО ЗА СЛОВО

Евгений Стычкин и Ольга Сутулова о театре и не только.

326

ЦВЕТУТ ЦВЕТЫ

Творческое кредо Антонио Марраса.

В издательстве
«Азбука-Аттикус»
готовится
к печати сборник
не издававшихся
в России рассказов
американского
классика
Фрэнсиса Скотта
Фицджеральда.
Harper's Bazaar
публикует один
из них, тем
самым предваряя
и грандиозную
мировую премьеру
фильма «Великий
Гэтсби» по роману
Фицджеральда.

Перевод: **ВАСИЛИЙ ДОРОКУПЛЯ**

ПРЕМЬЕРА ПЭТА ХОББИ

I

– Никакой работы для тебя нет, – сказал Джек Бернерс. – У нас и так сценаристов больше, чем нужно.

– Я пришел не работу просить, – с достоинством ответил Пэт Хобби. – Я хочу получить билеты на сегодняшнюю премьеру – мне они положены как соавтору.

– Ах да, как раз об этом я хотел с тобой поговорить. – Бернерс посуловел. – Возможно, нам придется убрать твое имя из титров.

– Что?! – возопил Пэт. – Да оно уже опубликовано! Я сам прочел в «Репортере»: «Сценарий Уорда Уэйнрайта и Пэта Хобби».

– Но из прокатной версии мы тебя, скорее всего, выбросим. Уэйнрайт вернулся с Восточного побережья и сразу поднял бучу. Он говорит, что твое участие ограничилось заменами «нет» на «нет, сэр», «красный» на «темно-красный» и так далее.

– Я двадцать лет в этом бизнесе, – сказал Пэт. – И я знаю свои права. Этот тип всего лишь снес яйцо, а меня наняли, чтобы вырастить из него индейку.

– Ничего подобного, – возразил Бернерс. – После отъезда Уэйнрайта в Нью-Йорк я нанял тебя всего лишь для проработки одного второстепенного персонажа. И если бы я тогда же не уехал на рыбалку, черта с два ты смог бы пролезть в соавторы!.. – Тут Бернерс встретил взгляд тоскливых, с красными прожилками глаз Пэта и поневоле смягчился. – Хотя лично я был бы только рад после всех этих лет снова увидеть твое имя в титрах.

– Я свяжусь с Гильдией сценаристов и буду отстаивать свои права.

– У тебя нет ни единого шанса, Пэт. Но по крайней мере сегодня твое имя промелькнет на экране и напомнит всем, что ты еще жив. Я достану для тебя пару билетов, однако на премьеру держись подальше от Уэйнрайта. Ни к чему нарываться на стрессы, когда тебе уже за пятьдесят.

– Мне сорок с хвостиком, – сказал Пэт, которому было сорок девять.

Загудел зуммер интеркома. Бернерс нажал кнопку.
– Пришел мистер Уэйнрайт, – сообщила секретарша.
– Попросите его подождать. – Он повернулся к Пэту: – Это Уэйнрайт. Тебе лучше выйти через боковую дверь.
– А как же билеты?
– Загляни ближе к вечеру.

Для какого-нибудь юного неокрепшего дарования это явилось бы сокрушительным ударом, но Пэт Хобби был человеком крепкой закалки. И закалила его таким образом злая судьба, наносившая ему всякого рода удары практически непрерывно на протяжении десяти лет. Используя весь свой немалый опыт, цепляясь за каждую травинку, что смогла пробиться сквозь мостовую на пространстве между Вашингтонским бульваром и Вентурой, между Санта-Моникой и Вайн-стрит, он как мог замедлял свое сползание в пропасть. Иногда ему под руку попадался кустик попрочнее – в виде халтуры на несколько недель, – и сползание приостанавливалось, чтобы затем продолжиться с неумолимостью, способной повергнуть в безысходное отчаяние любого менее жизнестойкого человека.

Вот и сейчас, благополучно выбравшись из кабинета Бернерса через боковую дверь, Пэт смотрел в ближайшую перспективу, предпочитая не оглядываться назад. И в этой перспективе ему виделось славное возлияние в компании букмекера Луи, а потом несколько визитов к старым студийным приятелям. Временами – но год от года все реже – такие визиты вдруг оборачивались какой-нибудь непыльной работенкой. Однако в этот раз, успешно пройдя стадию возлияния, он сбился с намеченного маршрута при виде заблудившейся девушки.

В том, что она заблудилась, сомнений не было. Очаровательно разинув ротик, она стояла и глазела на автобусы со статистами, проезжавшие в направлении столовой. А потом начала беспомощно озираться по сторонам – настолько беспомощно, что угодила бы под один из автобусов, не подоспей вовремя Пэт, оттянувший ее в сторону.

– Ой, спасибо, – сказала она. – Большое спасибо. Я пришла сюда с экскурсионной группой, но полисмен у дверей заставил меня сдать фотоаппарат на хранение. Потом я побежала догонять своих к пятому павильону, как говорил экскурсовод, но там все оказалось закрыто.

Она принадлежала к типу смазливых блондинок. С точки зрения Пэта, все смазливые блондинки были на одно лицо, как стандартная партия кукол. Правда, в отличие от кукол имена у них были разные.

– Что ж, попробую вам помочь, – сказал Пэт.

– Вы очень добры. Я Элеонор Картер из Бойсе, штат Айдахо.

Пэт сообщил ей свое имя и то, что он является сценаристом. Сперва она как будто разочаровалась, но потом просияла:

– Сценарист?.. Ах да, конечно же! Я так и думала, что у них тут должны быть сценаристы, хотя до сих пор ни об одном не слыхала.

– Сценаристы зарабатывают по три тысячи в неделю, – внушительно произнес Пэт. – Сценаристы – это очень важные люди, важнее их нет никого во всем Голливуде.

– Да что вы?! Вот уж никогда бы не подумала.

– Бернард Шоу пытался работать сценаристом, – сказал он, – как и Эйнштейн, да только кишка у них оказалась тонка. Они подошли к расписанию съемок – в тот день они велись на трех площадках, и один из трех режиссеров был старым знакомым Пэта.

– А что вы написали? – спросила Элеонор.

Тут на горизонте замаячил популярный актер, и она уставилась на него во все глаза, забыв о существовании Пэта. Актер растаял вдали, а Пэт не спешил называть свои картины, ей наверняка неизвестные.

– Это все больше немые фильмы, – промолвил он уклончиво.

– Понятно... А из ваших последних?

– Ну, я работал над одним фильмом в «Юниверсал», но не знаю, как его назвали в окончательной версии...

Видя, что его речь не производит впечатления, Пэт быстро прикинул, какие фильмы могут быть известны в городе Бойсе, штат Айдахо.

– Еще я написал «Отважных капитанов», – заявил он, пойдя напролом, – и «Летчика-испытателя», и «Грозовой перевал», и... и «Ужасную правду», и «Мистер Смит едет в Вашингтон».

– Ух ты! – вскричала она. – Мне нравятся все эти фильмы! Мой парень без ума от «Летчика-испытателя», а вот я больше всего люблю «Мрачную победу».

– Этот фильм я считаю своей неудачей, – скромно заметил Пэт. – Получилось слишком уж заумно. – И, дабы хоть чем-то сбалансировать это нагромождение лжи, добавил толику истинной правды: – Я работаю здесь уже двадцать лет.

Они подошли к павильону. Пэт попросил сообщить режиссеру о своем визите, и вскоре их пустили внутрь, где Рональд Колман как раз репетировал сцену.

– Это тоже вы написали? – шепотом спросила Элеонор.

– Меня уговаривали взяться за эту картину, однако я тогда был слишком занят, – сказал Пэт.

Он снова чувствовал себя молодым, влиятельным и энергичным, занятым сразу во множестве проектов. А затем он кое-что вспомнил.

– Кстати, как раз сегодня премьера одного из моих фильмов.

– Вашего фильма?

Он кивнул.

– Я собирался пойти туда с Клодетт Кольбер, но она вчера простудилась. Не составите мне компанию?

II

Он было занервничал, когда она упомянула о семье, но успокоился, выяснив, что речь идет всего лишь о тете, живущей в этих краях. Эх, до чего же будет здорово, как в былые годы, пройтись под ручку со смазливой блондинкой ко входу в кинозал мимо толпящейся на тротуарах публики! Его «фордик» 1933 года выпуска, мягко говоря, не впечатлял, но Пэт мог сказать, что взял эту машину на прокат – пока чинят его лимузин, разбитый нерадивым слугой-японцем. А что дальше? Пэт пока не знал, но уж один-то шикарный вечер он себе устроить мог.

Он угостил ее обедом в студийной столовой и разгорячился до того, что начал подумывать о чьей-нибудь уютной квартире, которую можно позаимствовать на несколько часов. Для таких случаев имелся старый проверенный ход: обещание кинопробы. Однако сейчас все мысли Элеонор были заняты прической и приготовлениями к премьере, так что он неохотно проводил ее до выхода со студии. После этого он снова заглянул к Луи, освежился парой стаканчиков и направился в офис Джека Бернера за билетами.

Они ждали его в конверте на столе секретарши.

– С этими билетами настоящая проблема, мистер Хобби, – сообщила она.

– Проблема? С какой стати? Когда это было, чтобы автор не мог попасть на собственную премьеру?

– Не в том дело, мистер Хобби. Просто об этой картине так много говорят, что все места были разобраны заранее.

– Ну да, и при этом обо мне никто даже не вспомнил, – угрюмо констатировал Пэт.

– Сожалею, – сказала секретарша. – По правде говоря, это билеты мистера Уэйнрайта. Он был чем-то сильно расстроен, бросил конверт на мой стол и сказал, что ноги его не будет на премьере. Ох, наверное, я зря вам это говорю...

– Выходит, это его места?

– Именно так, мистер Хобби.

Пэт даже причмокнул от удовольствия. Это уже попахивало триумфом. Уэйнрайт явно вышел из себя, а в мире кино подобные выходы недопустимы – если только они не являются нарочитой игрой на публику. Такая потеря самоконтроля ослабляла позиции Уэйнрайта и давала шанс Пэту Хобби. Может, и впрямь обратиться в Гильдию сценаристов и представить этот случай на их суд? Правда, сам Пэт в гильдии не состоял и не был уверен в том, что его туда примут.

Впрочем, все это было из области теории. А на практике ему предстояло в пять часов встретиться с Элеонор и вывезти ее «куда-нибудь на коктейль». Он купил рубашку за два доллара, надел ее тут же в магазине, и тирольскую шляпу – эти приобретения ополовинили финансы Пэта, которые он со времен «банковских каникул 1933 года» благоразумно доверял лишь собственным карманам. Неприязнительный тетушкин коттедж в Западном Голливуде без признаков сопротивления отпустил Элеонор навстречу удовольствиям. Ранее Пэт отсоветовал ей надевать вечернее платье, но и в более скромном наряде она выглядела элегантно и цветущей – как и все прочие смазливый блондиночки из его прошлого. И точно так же вся светилась от предвкушения и благодарности. Оставалось только раздобыть апартаменты на эту ночь.

– Хочешь пройти кинопробу? – спросил Пэт, входя с ней в «Коричневый котелок».

– Какая же девушка этого не хочет?

– Некоторые не соглашаются даже за миллион долларов. – (На любовном фронте у Пэта случались и поражения.) – Некоторые предпочитают стучать на пишущей машинке или быть на посылках. Ты не поверишь, но это так.

– А я бы все отдала ради пробы, – сказала Элеонор. Глядя на нее два часа спустя, Пэт уже вполне серьезно спрашивал себя: а почему бы и нет? Можно будет поговорить насчет пробы с Гарри Гуддорфом или Джеком Бернерсом, да только вряд ли они захотят его слушать. Но что-нибудь для нее он сделает обязательно, решил Пэт. Хотя бы попытается заинтересовать кого-либо из агентов – если, конечно, предстоящая ночь оправдает его ожидания.

– Какие у тебя планы на завтра? – спросил он.

– Никаких, – ответила она без раздумий. – Мне кажется, надо поспешить с едой, а то опоздаем на премьеру.

– Да, конечно...

Он нанес еще один удар по своим финансам, заплатив за шесть порций виски – человек имеет право угостить себя перед своей собственной премьерой, – и повел ее в ресторан. Ели оба не много. Элеонор была слишком взволнована, а Пэт уже получил свои калории в жидком виде.

Давненько он не видел картины со своим именем в титрах! «Пэт Хобби». Как человек из народа, он всегда предпочитал зваться коротко и четко: «Пэт Хобби». Приятно будет снова увидеть эти два слова на экране, и хотя нельзя было рассчитывать на то, что его старые друзья встанут со своих мест и грянут «С днем рождения тебя», после просмотра в фойе наверняка будут и поздравительные хлопki по спине, и просто заинтересованные взгляды из толпы. И это будет чудесно!

– Мне страшно, – прошептала Элеонор, когда они проходили меж двух плотных рядов зевак перед кинотеатром.

– Они все смотрят на тебя, – заверил ее Пэт. – Смотрят и пытаются вспомнить, в каких фильмах ты играла. Какой-то киноман подскочил к Элеонор, протягивая ручку и блокнот для автографов, но Пэт решительно увлек

свою спутницу к дверям – с той стороны уже неслись выкрики, по смыслу аналогичные объявлению в транспорте: «Посадка закончена!»

– Пожалуйста, ваши билеты, сэр.

Пэт вынул билеты из конверта и предъявил их для проверки, а после обернулся к Элеонор со словами:

– Не волнуйся, наши места зарезервированы, и никто их не займет, насколько бы мы ни опоздали.

Она придвинулась ближе к Пэту и ухватила его под локоть – как потом выяснилось, этот момент был наивысшей точкой ее дебюта в мире кино. Не успели они пройти и трех шагов внутрь кинотеатра, как тяжелая рука опустилась на плечо Пэта:

– Эй, приятель, у тебя билеты на другое шоу!

Они и понять ничего не успели, как вновь очутились снаружи, под прицелом подозрительных глаз.

– Я Пэт Хобби, автор этого фильма.

На мгновение весы качнулись в его пользу, но уже в следующий миг чуткий страж уловил запах спиртного, исходящий от Пэта.

– Э, да ты крепко перебрал, приятель. И билеты у тебя не того сорта.

Элеонор занервничала не на шутку, однако Пэт был спокоен и тверд:

– Зайдите внутрь и спросите у Джека Бернерса, он вам скажет, кто я такой.

– А теперь слушай сюда, – молвил верзила-привратник, потихоньку надвигаясь и оттесняя Пэта от входа. – Это билеты в дрянной балаган со стриптизом на другом конце города, так что вали прямиком туда и прихвати свою подружку. Счастливо повеселиться, ребята!

– Вы не понимаете. Я автор сценария.

– Ага, размечтался.

– Загляните в программку, там указано мое имя. Я Пэт Хобби.

– И документ есть? Покажи-ка свою водительскую лицензию.

Вручив ему лицензию, Пэт прошептал Элеонор:

– Все будет в порядке.

– Тут нет ни слова о Пэте Хобби, – объявил привратник. – Написано: «Автомобиль принадлежит Североголливудской ссудно-кредитной компании». Это твое имя?

Впервые в своей жизни Пэт Хобби потерял дар речи. Он взглянул на Элеонор и понял, что с ее стороны поддержки ожидать не стоит, – как всегда, Пэт был одинешенек.

III

Толпа уже начала рассеиваться, задаваясь типично американским вопросом: «И на кой мы сюда приперлись вообще?», но одна группа задержалась, почуяв нечто интригующее в позах и лицах парочки у входа. В их понимании Пэт и Элеонор были такими же безбилетными

аутсайдерами, как и они сами, однако их удивила беспримерная наглость, с какой эти двое попытались прорваться внутрь. Послышались язвительные выкрики в их адрес. Элеонор начала бочком отдаляться от этой постыдной сцены, когда какое-то движение возникло уже с другой стороны двери. Из кинотеатра широкими шагами вышел рослый, одетый с иголки джентльмен и остановился, озираясь, пока не заметил Пэта Хобби.

– А, вот ты где! – рявкнул он.

Пэт узнал Уорда Уэйнрайта.

– Заходи и полюбуйся на это убожество! – проревел Уэйнрайт. – Вот корешки моих билетов, можешь взять! Это не режиссер, а чучело безмозглое! Заходи и полюбуйся! – Он повернулся к привратнику: – Все верно, это его картина. Это его уровень. Имени моего не будет ни под одним кадром этой убогой стряпни!

Содрогнувшись и отчаянно всплеснув руками, Уэйнрайт прорвался сквозь толпу зевак и был таков.

Элеонор была в ужасе. Но то же самое чувство, что ранее побудило ее сказать: «Я бы все отдала ради пробы», теперь удерживало ее на месте, хотя она явственно ощущала, как незримые руки тянут ее прочь отсюда, в родной Бойсе, штат Айдахо. И она совсем уж было намерилась бежать – быстро, изо всех сил. Хамоватый привратник и рослый незнакомец укрепили ее во мнении относительно Пэта: он был «не бог весть кто». Никогда она не позволит этим красным слезящимся глазкам приблизиться к своему лицу – разве только при формальном поцелуе на прощание. Она берегла себя для кого-то особенного – и этим «кем-то» был уж никак не Пэт Хобби. В то же время нацеленные на нее взоры публики воспринимались как неожиданный подарок судьбы – никогда прежде она не привлекала к себе такого внимания. Она несколько раз украдкой взглянула на окружающих, и понемногу страх и нерешительность сменились ощущением собственной значимости.

Она чувствовала себя настоящей звездой.

В свою очередь Пэт снова обрел уверенность. Теперь это была его премьера; все доставалось ему одному, и, когда фильм выйдет в прокат, только его имя будет значиться в титрах. Должно же там быть какое-то имя, в конце концов? А поскольку Уэйнрайт самоустранился, вот оно, пожалуйста:

Автор сценария – Пэт Хобби.

Он крепко взял Элеонор за локоть и с торжествующим видом повел ее внутрь.

– Выше нос, крошка! Здесь это дело обычное – так и живем. ■

ПЭТ ДАЖЕ
ПРИЧМОКНУЛ
ОТ УДОВОЛЬ-
СТВИЯ. ЭТО УЖЕ
ПОЦАХИВАЛО
ТРИУМФОМ.

